

А.А. Степанов

ВОЙНА И МИР В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ФИЛОСОФИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Томский государственный педагогический университет

Проблемы войны и мира волновали философское мышление с древнейших времен. Томас Гоббс, например, считал, что изучение войны и мира входит в круг основных задач философского размышления. Подчеркивая важность этой тематики, он утверждал: «Гражданская война возможна только потому, что люди не знают причин войны и мира, ибо только очень немногие занимались исследованием обязанностей, выполнение которых обеспечивает упрочнение и сохранение мира, т.е. исследованием истинных законов гражданского общества» [1, с. 56]. Не была чужда эта тематика и для томских философов. Так, одна из работ К.П. Ярошевского, одного из основателей томской философской школы, называлась «Марксистско-ленинское учение о войне и армии» (Киев, 1934). Цель настоящей статьи – проблематизация темы войны и мира в рамках философской теории познания. Основной вопрос представленного здесь размышления можно, в стиле И. Канта, сформулировать следующим образом: «Как возможно познание войны и мира?»

Прежде чем обратиться к проблемам методологии исследования мира, необходимо определить объект наших рассуждений. Необходимость данной задачи вытекает из многозначности слова «мир» в русском языке, причем существует два разных слова «мир» (омонимы). Примером совместного употребления этих слов-омонимов выступает известный в советский период лозунг: «Миру – мир». Толковый словарь русского языка выделяет семь значений слова «Мир» для обозначения вселенной или универсума¹ и три – для обозначения отсутствия войны [2, с. 358]. В отечественном философском дискурсе слово «Мир» чаще всего выступает в качестве синонима понятия «заполненного пространства». Примером такого смыслового употребления могут служить названия известных у нас работ по философии: «Мир философии» – широко используемая в учебном процессе антология философских текстов; «Мир общения» – работа Моисея Самойловича Кагана – и т.д. Гораздо реже в современном отечественном философском лексиконе слово «мир» употребляется в

смысле отсутствия войны, вражды, ссоры, насилия или соглашения воюющих сторон о прекращении войны². В этом значении (мир как отсутствие войны и насилия) мы и будем рассматривать методологию его исследования.

Обозначив то, что мы будем понимать под словом «мир», необходимо определить методiku наших размышлений. Исходным методологическим основанием нашей работы могут быть широко известные слова П. Наторпа: «Для философа звезды существуют не на небе, а в книгах по астрономии». Согласно этому принципу, войну и мир мы будем рассматривать не как явления Мира, данного посредством ощущений, а как понятия, идеи или концепты. Следовательно, мы будем решать задачу выявления смыслов понятий «война» и «мир». Следующей методологической особенностью данной работы будет то, что смысл понятий «война» и «мир» будет выявляться за счет анализа западного философского дискурса, а не путем исследования содержания обыденного сознания, как это часто делается в социологии и психологии. Поскольку философский дискурс в целом и философская проблематика в частности делятся на несколько разделов, то смысл анализируемых понятий будет дифференцирован онтологически, аксиологически, праксиологически и, наконец, гносеологически. Кроме выше указанных разделов мы дополнительно введем формально-логическое и экзистенциальное смысловое измерение данных понятий. Другими словами, нам предстоит заполнить следующую таблицу:

Смысл	Война	Мир
Формально-логический		
Экзистенциальный		
Онтологический		
Аксиологический		
Праксиологический		
Гносеологический		

В логическом аспекте анализа мы обратимся, прежде всего, к содержанию, а не к объему понятий «война» и «мир». Содержание понятий раскрыва-

¹ Употребляя слово «мир» в этом значении, мы будем писать его с заглавной буквы.

² В философских словарях, изданных в постсоветский период, статей, посвященных понятию «мир», нет. В словарях советского периода данное понятие встречается. Наиболее распространенное в этот период определение слова «мир» звучит следующим образом: «Мир – состояние отношений между народами и государствами, для которого характерно соблюдение основных общепринятых международных норм взаимоотношений без применения вооруженных сил и их угрозы» [3, с. 261].

ется посредством такой логической операции, как определение. При анализе дефиниций анализируемых понятий обращает на себя внимание то, что определение слова «мир» дается чаще в негативной, отрицательной форме, т.е. как противоположность войне, вражде, ссоре, борьбе, насилию и т.д.¹ Слово «война», в отличие от слова «мир», имеет позитивные, прямые дефиниции. Например, война – это «вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства» [3, с. 93].

Необходимо отметить, что вышеприведенное определение войны не является единственным. В философии понятие «война», как правило, выступает в более широком значении, а именно как синоним понятий «борьба», «конфликт», «противостояние» и т.п. Так, например, одна из работ известного французского лингвиста и философа Р. Барта называется «Война языков» (1973). В более широком значении слово «война» употребляется не только в философии. Например, определенный период политических отношений между США и СССР получил название холодной войны. Однако использование понятия «война» в узком и широком смыслах не отменяет ранее сделанного наблюдения: дефиниции войны даются чаще в позитивной, а мира – в негативной форме. Отмеченная особенность определений войны и мира не является спецификой русского языка, а скорее спецификой мировой истории и развития сознания. Так, К. Маркс отмечал, что «война раньше достигла развитых форм, чем мир...» [4, т. 46, ч. 1, с. 46]. Это – историческая (если угодно – культурно-историческая) особенность.

От дефиниций перейдем к проблеме видовой специфики анализируемых понятий. Здесь, прежде всего, необходимо зафиксировать наличие денотата у этих «имен». Наличие денотата у понятия «война» не вызывает сомнений. В качестве таковых выступает ряд исторических событий. Например, русско-турецкие войны, Отечественная война 1812 г., русско-японская война 1904–1905 гг. и т.д. Более проблематичная ситуация возникает, когда мы пытаемся найти денотат имени «мир». Он есть, бесспорно, лишь в том случае, когда мы слово «мир» используем в смысле «мирного договора», который заключили ранее воевавшие стороны. Однако в этом смысле слово «мир» означает лишь заключительную стадию, конечный эпизод конкретной войны. Периоды отсутствия войны (в узком значении

этого слова) могут характеризоваться как война в широком смысле (холодная, экономическая и т.д. война). Из этого с определенной степенью уверенности можно сделать вывод, что понятие «война» – конкретное, а «мир» – абстрактное. Если делить понятия на абсолютные и относительные, то эти понятия, вне всякого сомнения, – относительные. Их содержание выражает отношения между двумя и более предметами. Причем эти отношения носят противоречивый характер и в отношении объема должны квалифицироваться скорее как контраридикторные. Лозунг Л. Троцкого «Ни войны, ни мира, а армию распустить», как показывает история, на деле не осуществим.

В качестве итога формально-логического анализа понятий «война» и «мир» заполним первую строчку нашей таблицы:

Смысл	Война	Мир
Формально-логический	Позитивные дефиниции Наличие денотата Конкретное Относительное	Негативные дефиниции Отсутствие денотата Абстрактное Относительное
	Контраридикторное отношение между объемами понятий	

От формально-логического аспекта анализируемых понятий перейдем к экзистенциальному и рассмотрим их соотношение с такими понятиями, как «жизнь» и «смерть». Для обыденного сознания понятие «война» неразрывно связано со смертью, а «мир» – с жизнью. Однако философское мышление парадоксально и часто противоречит общепринятым мнениям (докса – от греч. мнение). С этой парадоксальностью философии мы сталкиваемся уже в античной философии. По-видимому, первым, кто ввел в ткань своих рассуждений тему войны и мира, был Гераклит Эфеский. Диоген Лаэртский об этом сообщает следующим образом: «В противоположностях то, что ведет к рождению, зовется войной и разором, а то что к обогневению², – согласием и миром» [5, с. 361]. Если приводить дошедшие до нас фрагменты сочинения Гераклита, то они звучат следующим образом: «Борьба (πόλεμος) есть правда (Δίκη) мира, отец и царь всех вещей»; «противодействующее укрепляет друг друга (ἀντίξουν συμφέρον), расходящееся идет совместно»; «на противоположном напряжении основана гармония мира, подобно лире и луку» (цит. по [6, с. 54]). Поэтому Гераклит говорил о Зевсе-Полемосе³ и порицал Гомера за то, что последний осуждал раздор.

¹ Попытки положительного определения мира существуют, как правило, в религиозной (христианство, буддизм) или утопической литературе.

² Под «обогневением» имеется в виду возвращение мира в исходное состояние, т.е. его превращение в огонь, хаос.

³ В отечественной философской традиции древнегреческое слово «полемос» чаще переводится как война. Словом «полемос» в древнегреческом языке обозначались конкретные войны. В русском языке от этого слова происходит «полемика».

Война и мир рассматриваются Гераклитом как физические (природные, естественные) сущности. Мир рассматривается Гераклитом как путь к небытию, смерти, или, более точно, возвращение в недифференцированное состояние. Говоря о том, что мир – это путь к смерти, необходимо помнить, что для древнегреческого сознания смерть не означает небытие. Смерть – это переход в иной мир. У того же Гераклита можно найти следующие высказывания: «бессмертные смертны, смертные бессмертны, эти живут смертью тех, а те умирают жизнью этих»; «После смерти настигает людей такое, чего они не ожидали, что и представить не могли» (цит. по: [7, с. 27]). Следовательно, мир ведет не просто к смерти, а к другому Миру, по Платону, подлинному бытию, Миру идей. Необходимо отметить, что, связывая войну с жизнью, Гераклит Эфеский говорит о войне в широком смысле слова, т.е. как о борьбе. Война как вооруженное противостояние людей – это только один из видов такой борьбы. Тем не менее основа войны (в узком смысле) коренится в диалектике жизни, связанной с борьбой противоречий. «Целое являет собой напряжение несоединимого. ... Быть может, свобода человека может сохраняться и неизмеримо расширять опыт своего бытия только в том случае, если пребывает неразрешимость напряжения» [8, с. 352]. С точки зрения Карла Ясперса, даже в случае решения экономических и политических противоречий, «остается нерешенным вопрос, есть ли в человеке нечто подобное темной и слепой воле к войне – стремление к иному, к выходу из повседневности, из стабильности обстоятельств, нечто подобное воле к уничтожению и жертвенности, туманный энтузиазм, направленный на создание нового мира, или далекая от действительности рыцарская жажда борьбы; воля к самоутверждению, стремящаяся доказать, на что она способна, и предпочитающая пассивному ожиданию смерти в конце бессмысленного существования свободно избранную смерть» [8, с. 345–346].

С волей к жизни связывает существование войн и Артур Шопенгауэр. С его точки зрения, формой объективации мировой воли является *principium individuationis*: «Воля одинаково являет себя в бесчисленных индивидах, и в каждом из них целиком и полностью в двух аспектах (воли и представления). Таким образом, в то время как каждый индивид непосредственно дан самому себе как воля в целом и представления в целом, остальные даны ему прежде всего как его представления; его собственное существо и сохранение его для него важнее, чем все остальные, вместе взятые» [9, с. 431].

Интересно в этой связи обратиться к семиотике и этимологии этих слов в русском языке. Как ни парадоксально, широко распространенные пожелания умершему звучат как «Мир праху его!» (фран-

цузский аналог «*Paix a tes cendres!*», английский – «*May he rest in peace*»), «покойся с миром» и т.д. Одно из смысловых значений русского слова «мир» связано с «покоем» (отсутствием движения), тишиной (отсутствием звучания). От «покоя» происходит и слово «покойник», т.е. тот, кто умер. Таким образом, понятие «война» коннотативно связано с жизнью, или экзистенцией, как существованием на грани бытия и небытия, а мир – со смертью как абсолютным покоем. По словам Ф.М. Достоевского, «бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие», по М. Хайдеггеру «жизнь есть бытие-к-смерти». Вряд ли кто станет отрицать, что война – это также бытие-к-смерти. «Давать жизнь; но это к тому же война. А следовательно, смерть» [10, с. 173].

Смысл	Война	Мир
Экзистенциальный	Жизнь, экзистенция	Смерть, покой

Парадоксальность результатов анализа войны и мира в экзистенциальном аспекте, на наш взгляд, детерминирована онтологией, или «укорененностью» этих понятий в структуре мира.

Платон в «Государстве», объясняя «полюмос» как результат порчи души, обосновывает необходимость класса воинов-стражей в идеальном государстве. В чем заключается порча души? Согласно Платону, в корысти. «В самом деле, иных, по-видимому, не удовлетворит все это и такой простой образ жизни – им подавай и ложа, и столы, и разную утварь, и кушанья, мази и благовония, а также гетер, вкусные пироги, да чтобы всего этого было побольше. Выходит, что необходимым надо считать уже не то, о чем мы говорили вначале, – дома, обувь, одежду, нет, подавай нам картины и украшения, золото и слоновую кость: все это нам нужно. Не правда ли? ...

– В результате мы будем воевать, Главкон, или как с этим будет?

– Да, придется воевать.

– Пока мы еще ничего не станем говорить о том, влечет ли за собой война зло или благо, скажем только, что мы открыли происхождение войны – главный источник частных и общественных бед, когда она ведется» [Госуд. кн. 2. 373].

Таким образом, даже идеальное государство, существующее в реальном Мире, будет вынуждено, согласно Платону, воевать. Для этого ему и нужно иметь сословие воинов-стражей, совмещающих функции современной армии и полиции. В Мире идей нет изменений, а следовательно, и нет войны. Мир эйдосов целостен. В нем нет раздвоенности и противоречий, а следовательно, и становления. Это совершенный, ставший Мир или «Царствие Божье». В чувственном Мире, промежуточным (*metaxu*) между бытием и небытием, – войны не избежать.

Как пишет Ж. Деррида: «Возможность войны взламывает идеальность в идеальном описании идеального государства, в самом пространстве этого вымысла или этого представления» [10, с. 190]. Чувственно-воспринимаемый Мир состоит из противоречий, он двойной. Поэтому война – объективная реальность, а мир – идея. Так, в европейском сознании война становится атрибутом чувственно-воспринимаемого мира, а мир – недостижимой идеей или идеалом, к которому, между тем, необходимо стремиться.

Подведем итог онтологического осмысления исследуемых понятий: «война» – имманентна и феноменальна, а «мир» – трансцендентен и ноуменален; война связана с движением, изменением и становлением, а следовательно, с временем и пространством; мир связан с неизменным, покоем и вечностью. «Война» – естественное (Т. Гоббс), природное состояние Мира. «Мир» – нечто искусственное, требующее для своего возникновения сторонних усилий, создания.

Смысл	Война	Мир
Онтологический	Имманентна, феноменальна, темпорально и топологически локализована, естественна	Трансцендентен, ноуменален, вечен, искусственен

Подобные выводы могут обескураживать. Ведь «очевидно», что мир существует. Однако, как мы отмечали выше, война в философии понимается чаще всего в широком смысле, как борьба вообще. Следующее замечание сводится к вопросу: как мы понимаем промежутки между конкретными войнами? Например, Мишель Фуко в одном из интервью охарактеризовал политику как продолжение войны другими средствами [11, с. 150].

Если обратиться к аксиологическим аспектам смысла понятий «война» и «мир», то, за редким исключением, большинство западных философов оценивали войну как абсолютное зло, а мир как абсолютное добро. К «редким исключениям» можно отнести Ф. Ницше с его переоценкой ценностей (в том числе переоценкой смысла понятия «добро») и некоторых немецких философов времен гитлеровской Германии. Подобные аксиологические оценки не противоречат онтологическому статусу рассматриваемых понятий. Абсолютное добро невозможно и не существует в чувственно-воспринимаемом Мире, как, впрочем, и «мир». Мир как универсум – это арена борьбы (войны) добра и зла. И даже Иисус – земное воплощение абсолютного добра – вынужден говорить: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» [Евангелие от Луки, XII].

В истории философии, кроме абсолютных оценок войны и мира, были и попытки относительных оценок. Так, например, Н.Г. Чернышевский, комментируя гегелевский принцип конкретности истины, считал, что на вопрос «Пагубна или благотворна война?» нельзя отвечать однозначно. Он писал: «... Надобно знать, о какой войне идет дело, все зависит от обстоятельств, времени и места» [12, с. 669]. Подобных взглядов в «Трех разговорах» придерживается В.С. Соловьев. Устами одного из своих героев он говорит: «Да в том, что война не есть безусловное зло и что мир не есть безусловное добро. Или, проще говоря, что возможна и бывает хорошая война, возможен и бывает дурной мир» [13, с. 651]. Однако, как мы писали выше, большинство европейских философов в нравственном аспекте рассматривали войну как безусловное зло, а мир как добро.

Смысл	Война	Мир
Аксиологический	Зло	Добро

При рассмотрении понятия «война» и «мир» в праксеологическом или деятельностном аспекте без труда улавливается связь войны со средством, а мира с целью. За мир борются. Причем очень часто борются при помощи войны (франц. – *combatants de la paix, soldats de la paix*). В Нагорной проповеди Иисус говорил: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» [Евангелие от Матфея, VI]. В современном русском языке слово «миротворец» ассоциируется с человеком в униформе («голубые каски») и оружием в руках. Говоря о праксеологическом аспекте смысла анализируемых понятий, необходимо отметить недостаточную проработанность в философии этого аспекта. Это связано с тем, что праксеология как самостоятельный раздел философии появилась относительно недавно (первая половина XX в.). Но даже в небольшом афоризме основателя праксиологии Тадеуша Котарбиньского «Война не может быть справедливой, потому что воевать справедливо нельзя, даже если воеешь за справедливость» просматривается отмеченная выше особенность. Более ярко и рельефно праксеологический смысл войны как средства, а мира как цели проявляется в обыденном и политическом дискурсе. Так, например, в резолюции № 688 (апрель 1991 г.) Объединенные Нации указали право на интервенцию, которая может быть использована ими при «угрозе международной безопасности». Все великие завоеватели, начиная от Александра Македонского, в качестве основной цели своих войн декларировали достижение «справедливого», «нового» и «вечного» мира. Характерен в этом отношении и язык современного кинематографа. Положительный герой боевиков почти всегда «спасает мир» средствами насилия. И чем больше он убьет,

чем больше применит средств насилия, тем больше ценность его «подвигов».

Переходя к гносеологическому аспекту анализа «войны» и «мира», обобщим ранее полученные результаты:

Смысл	Война	Мир
Формально-логический	Позитивные дефиниции Наличие денотата Конкретное Относительное	Негативные дефиниции Отсутствие денотата Абстрактное Относительное
	Контрадикторное отношение между объемами понятий	
Экзистенциальный	Жизнь, экзистенция	Смерть, покой
Онтологический	Имманентна, феноменальна, темпорально и топологически локализована, естественна	Трансцендентен, ноуменален, вечен, искусственен
Аксиологический	Зло	Добро
Праксеологический	Средство, метод	Цель

Такие характеристики войны, как наличие денотата, феноменальность и имманентность, временная и пространственная локализованность и т.д. говорят, что она может быть объектом исследования эмпирических наук. Если обратиться к истории возникновения методологии эмпирических исследований (Ф. Бэкон), то связь этой методологии с войной и насилием обнаруживается и на семантическом уровне. Исследование (вопрос к природе, англ. – examination, франц. – mettre a la question) означало в Средние века и допрос с пристрастием, пытку.

Если обратиться к истории исследований войн, то военная наука как теория военного искусства насчитывает тысячелетия. Хотя знания этой науки и использовались в мирных целях, например Тейлор, отец «научной организации производства», при создании своей теории использовал выводы немецкой военной науки, в целом это наука о ведении войны. В то же время войну исследуют и сугубо гражданские науки. Так, в обзоре социологических теорий Питирим Сорокин (Sorokin P. Contemporary Sociological Theories. New York and London, 1928) вводит главу под названием «Социологическое объяснение борьбы за существование и социология войны». Значительный интерес представляют подзаголовки этой главы: «1) Общая характеристика этой отрасли социологии. 2) Неопределенность понятия «борьбы за существование» в биологической и социологической литературе. 3) Виды «борьбы за существование» и их эволюция в истории человечества. Критика. 4) Социальная роль и последствия войны и борьбы: а) социальный отбор, производимый войной;

б) воздействие войны в области физиологии населения; в) влияние войны в области демографии; г) влияние войны на экономическую жизнь; д) война как средство упрочнения социальной солидарности и мира; е) моральные последствия войны; ж) влияние войны на политическую жизнь страны; з) война, революция и реформы; и) война и «внутренняя социальная подвижность» общества; к) война и изменения в общественных мнениях, настроениях и поведении; л) влияние войны на науку и искусство. 5) Факторы, вызывающие войну. 6) Общие заключения о «биологической» социологии» (цит. по: [14, с. 140]). Такие характеристики «мира», как отсутствие эмпирического денотата, трансцендентность, ноуменальность, целевая представленность и т.д., говорят о том, что мир может быть «исследован» чисто спекулятивными, философскими методами (без обращения к эмпирической реальности), либо выступить объектом конструирования, т.е. методами «социальной инженерии» или «социальной технологии», о необходимости которых так много говорил К. Поппер [15].

Естественный характер войны дает возможность ее описания языком естествознания – феноменальным языком спонтанных процессов, средовых условий, в терминах научных законов и закономерностей. *Искусственность* мира требует телеологических терминов: целей, проектов, норм, техники и т.д. Различие методологических подходов в исследовании естественного и искусственного в наиболее явном виде в нашей стране было сформулировано Г.П. Щедровицким в качестве одного из принципов системоделятельной онтологии. Необходимо обратить особое внимание на то, что методология конструирования «мира» еще детально не разработана. Попыток конструирования «мира» много, но они либо носят утопический характер, либо связаны с сиюминутными политическими задачами. Для того чтобы придать конструированию мира научный характер, необходимо, на наш взгляд, поступать так же, как принято в технических дисциплинах. То есть необходимо сначала исследовать естественные процессы, и уже на основе знаний об этих процессах конструировать искусственное изделие. В отношении нашей темы это значит: чтобы эффективно конструировать мир, надо исследовать войну. Исследовать войну не значит быть ее поборником. Очень часто «оголтелый пацифизм», описывая ужасы войны, затрудняет ее изучение. Об этом писал после Первой мировой войны Жан Нортон Крю, непосредственно принимавший в ней участие, а до войны – профессор одного из университетов Соединенных Штатов (Виллиамс колледж в Массачусетсе): «Если бы общество было разумным, оно должно было бы рассуждать таким образом: война есть болезнь человечес-

кого рода, одна из болезней – как чума или желтая лихорадка, от которой себя можно предохранить, можно добиться ее уничтожения на земном шаре, если будут приняты все необходимые санитарные меры. Каковы же эти меры? Как их открыть, испытать, применить? В познании болезни, в подробностях ее проявлений, ее распространения, в раз-

несении ее зародышей?» (цит. по: [14, с. 143]). Заканчивая статью, необходимо отметить, что поднимая в ней тематика и поставленные проблемы для своего раскрытия и решения требуют более значительного объема, чем журнальная статья. Поэтому автору пришлось упрощать позиции и заострять аргументацию.

Литература

1. Гоббс Т. К читателю. О теле // Избранные произведения: В 2 т. М., 1964. Т. 1.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1999.
3. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1991.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. М., 1955–1981.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
6. Целлер Э. Очерк истории греческой философии. СПб., 1996.
7. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. СПб., 1994.
8. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. М., 1994.
9. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. О четверяком корне... Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии: Пер. с нем. М., 1993.
10. Деррида Ж. Эссе об имени: Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.; СПб., 1998.
11. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: Пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М., 2002.
12. Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Избр. философские сочинения. М., 1950. Т. 1.
13. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
14. Головнин Н.Н. О социологическом изучении войны // Социс. 1992. № 3.
15. Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992.

*В. Рувинский*¹

ЭТНИЧЕСКОЕ ОГОРАЖИВАНИЕ В СОВЕТСКИХ И ПОСТСОВЕТСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ²

Японское общество содействия науке и Высшая школа международного сотрудничества и развития, Хиросимский университет

Введение

В последнее время все больше и больше исследователей проблем этничности и национализма вновь обращаются к изучению вопросов межнациональных отношений в Советском Союзе. Одна из причин повышенного интереса кроется в том, что, зачастую, ключ к пониманию продолжающегося сохранения межэтнической напряженности на многих бывших советских территориях кроется в наследии советской национальной политики (см., например, [1]).

Как хорошо известно, в Советском Союзе только ограниченное число этнических групп получило право на высшую форму автономии, т.е. право

иметь свою союзную республику (пятнадцать в 1940 г. из более чем 120 официально признанных этнических групп [2, р. 5]). Эти этнические группы стали «титularными» в своих республиках. Другим этническим группам пришлось довольствоваться более низкими формами автономии в иерархии советской этно-территориальной структуры – автономной республикой, автономным районом или автономным округом (20 автономных республик, 8 автономных регионов и 10 автономных округов в 1940 г. [2, р. 5]). Более того, были и такие этнические группы, которым не удалось получить вообще никакого автономного статуса. В то же время те этнические группы, которые чувствовали себя ущем-

¹ Author is with Hiroshima University, IDEC, 1-5-1 Kagamiyama, Higashihiroshima, 739-8529, Japan; e-mail: vladruv@hiroshima-u.ac.jp

² Данная работа была выполнена автором при финансовой поддержке Японского общества содействия науке (исследовательский грант №. 16-5244).